

Н.В. Халина

Предисловие к лингвистическому повороту второй волны: вселенская мера изображения событий и лиц У. Фолкнера

Вторая волна лингвистического поворота обнаруживает себя в 40–50-е гг. прошлого столетия: это поздний Лео Витгенштейн, Рой Вуд Селларес, Уиллард ван Орман Куайн. В это время более привлекательными становятся исследование и описание языка в его обычном функционировании, что предполагает сосредоточение внимания на объективированных структурах языка, не связанных с субъектом, на контекстах и предпосылках высказываний. Актуальна прагматическая концепция значения, предписывающая главенствующую роль коммуникативной функции языка, а за репрезентативной функцией оставляющая статус производной от первой. Первичной субстанцией по отношению к рациональным представлениям индивидуального сознания, эпистемичной очевидностью провозглашается «картина мира», являющаяся в свою очередь производной от языковой игры, имеющей индивидуальный характер и обретающей значимость квазисубъекта познания. «Идеология» второй волны лингвистического поворота оформляется структурализмом и герменевтикой, лингвистической философией, которые располагают адекватными концептуальными системами декодирования, раскрывающими особенности деятельности постметафизического мышления, которое создает собственную речевую реальность на основе рефлексивной речевой коммуникации. Последняя же, по разумению Ю. Хабермаса, есть не что иное, как дискурс, предполагающий самоценную процессуальность проговаривания всех значимых для участников коммуникации ее аспектов [1]. В художественной концепции У. Фолкнера это обозначалось как тринадцать точек зрения на черного дрозда, или постоянная смена углов зрения.

Как отмечает Н. Анастасьев, в литературной традиции США XX в. роман У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» [2], в котором автором применяется сложнейшая литературная техника, занимает уникальное положение: главный герой, личность, вокруг которой закипают страсти, не имеет лица, а герой возникает лишь в отраженном восприятии других персонажей, высказывающих о нем свои суждения, мнения, догадки. Главный персонаж предстает как некий семиотический объект, который конструируется в речевой реальности параллельно с процессом конструирования самой этой реальности. У. Фолкнер, отвечая на вопрос студентов Виргинского универси-

тета о причинах постоянной смены углов зрения в его книгах, говорил, что «это просто тринадцать точек зрения на черного дрозда. Но истина, я думаю, обнаруживается, когда читатель, усвоив все эти тринадцать способов видения черного дрозда, выработает еще одно, собственное представление об этом дрозде, которое, я полагаю, есть истина» [3, р. 88]. «Тринадцать точек зрения на черного дрозда» У. Фолкнера созвучны прагматической проблеме индукции К. Поппера, возникающей перед человеком практического действия, которому всегда приходится выбирать между несколькими более или менее определенными альтернативами. «Но всякое действие предполагает наличие некоторых ожиданий, то есть теорий о мире. Какую из теорий выбрать человеку действия (существует ли такая вещь, как рациональный выбор). Это подводит нас к *прагматической проблеме индукции*»:

Pr₁ На какую теорию следует полагаться в своих практических действиях, исходя из рациональных соображений?

Pr₂ Какую теорию следует предпочесть для практических действий, исходя из рациональных соображений?» [4, с. 31].

Резонансное взаимодействие представленных позиций, в свою очередь, само отражает изменение масштаба презентации обстоятельств мира, модификацию вселенской меры изображения событий, маркирующую вторую волну лингвистического поворота. «Эволюционный натурализм» Рой Вуда Селларса, представителя второй волны, зиждется на реализме здравого смысла, который созвучен подлинным истинам: 1) простой человек смотрит вовне и принимает результаты с их наличной ценностью; 2) сознание не может выйти за пределы организма, оно существует только на основе тех или иных состояний мозга; 3) процесс познания структурирован и включает в себя (а) внешний материальный объект, (в) восприятие как содержательный элемент сознания, (с) акт отнесения восприятия к материальному объекту; 4) восприятие является актом суждения, направленным вовне; 5) субъект подвергает элементы физического мира практическим воздействиям с целью превращения избранной вещи в объект познания, т.е. для реализации жизненного интереса; 6) в основе познания лежит процедура воспроизведения порядка [5]. Уиллард ван Орман Куайн, другой представитель второй волны

лингвистического поворота, полагает, что сопоставление теоретических систем с неконцептуализированной реальностью непродуктивно и лишено смысла: в границах парадигмы осуществляется движение от слов к пропозициям (по Фреге), от пропозиций к концептуальным схемам и так далее, т.е. происходит осмысление физической реальности, детерминированное единством меры эмпирической осмысленности, которая, в свою очередь, оформляется в масштабе теории [6]. Любая теория, в соответствии с позицией У. Куайна, признает только те объекты, к которым относятся связанные переменные, что обуславливает истинность утверждений теории: быть – значит быть связанным переменной. Единство меры эмпирической осмысленности определяется наукой, схожей с силовым полем, крайние точки которого образуют опыт, причем любое отдельно взятое суждение науки, как, впрочем, и она сама в целом, в равной степени обусловлено и опытом, и языком. У. Куайн считал, что значение «живых» словоформ задается параметрами их языкового использования сообществом людей. В случаях «радикального перевода», перевода с ушедшего в прошлое языка, основанного на поведенческой очевидности и без опоры на словари, господствуют «галлюцинации». Смыслы в таком случае оказываются связанными со стимулами, завязанными на поведении. Суть перевода не сводится к процедуре сопоставления смыслов, коннотатов с вещами, смыслы же выступают как поведенческие позиции, а язык – как социальное искусство, которое достигается на основе очевидности демонстрируемого поведения в социально опознаваемых обстоятельствах. Коннотаты, или сигнификаты, представляют собой то, чем становится сущность, толкуемая в соответствии с концептуальной схемой Аристотеля, в процессе дистанцирования от объекта при смещении в дефиницию – эксплицитную конвенцию, продуцирующую новые символы в целях оптимизации мыслительных процедур. Конкретный опыт, как считает У. Куайн, может быть связан с особой пропозицией внутри силового поля (науки) опосредованным образом и ради равновесия, которое необходимо полю в его глобальности. Пропозиция – это нечто промежуточное, то, где формируются поведенческая позиция и система означивания смыслов, их первичное дефинирование, предвещающее процедуру оформления «чистой» дефиниции, продуцирующей символы новой логики.

Вселенская мера изображения событий и лиц У. Фолкнера, подобно куайновской пропозиции, есть элемент силового поля XX в., обеспечивающий его равновесие, некий промежуточный мир между стремлением рассматривать язык как онтологическое основание мышления (что характерно для первой волны лингвистического поворота) и языковой игрой, производящей картину мира, эпистемически предопределяющую все рациональные представления

и соответствующие им эксплицитные конвенции (что отличает вторую волну лингвистического поворота).

Роман У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» [7] вышел в свет в 1936 г., в разгар «красной декады», общественные настроения которой отозвались в литературе США приверженностью к текущей действительности, обостренным пафосом современности перед лицом угрозы фашизма. В подобной художественной атмосфере, замечает Н. Анастасьев, историческая хроника Фолкнера выглядела странно и архаично: поражает характер повествовательной речи, поскольку фразы текут «медленно и тяжело, захватывая в себя массу сведений, растягиваясь в длиннейшие периоды, а то внезапно обрываясь, чтобы возобновиться через несколько страниц» [2, с. 6]:

What is it? something you live and breathe in like air? a kind of vacuum filled with wraithlike and indomitable anger and pride and glory at and in happenings that occurred and cased fifty years ago? a kind of entailed birthright farther and son and farther and son of never forgiving General Sherman, so that forevermore as long as your childrens' children produce children you wont be anything but a descendant of a long line of colonels killed in Pickett's charge at Manassas?

'Gettysburg', Quentin said. 'You cant understand it. You would have to be born there'.

'Would I then?' Quentin said. 'Yes, of course I understand it' They breathed in the darkness. After a moment Quentin said: 'I dont know'.

'Yes. You dont know. You dont even know about the old dame, the Aunt Rosa'.

'Miss Rosa', Quentin said.

'All right. You dont even know about her. Except that she refused at last to be a ghost'.

Приведенный сегмент достаточно хорошо демонстрирует особенность создаваемой У. Фолкнером повествовательной формы – нарратива, имеющего, в соответствии с концепцией Ф. Анкерсмита, следующую форму: $A \rightarrow B \rightarrow C \rightarrow D \dots$ и т.д., где «А», «В», «С», «D» и т.д. обозначают отдельные факты. Отдельные факты представлены нарративными субстанциями – образами, картинами прошлого, модифицирующими (переводящими) слово в пропозицию, являющуюся составляющей некоей теории, некоего силового поля, или «видения как...». В точных науках, отмечает Ф. Анкерсмит, исходное «видение как...» образуется повседневными теориями и сингулярностями, каждый новый этап в их развитии – это исправление прежнего «видения как...» [8]. В историческом исследовании «видение как...» есть результат исследования, а не его начало; необходимым условием «видения как...» становятся «ментальные образы». У. Фолкнер предлагает особую технику создания подобного ментального образа – недифференцированного персонажа, фактически остающегося за пределами «визуального восприятия» читателя: он может слышать его голос, ему позволено вступать с ним в диалог, но автор не дает ему возможности созерцать виртуального собеседника «в кадре». Автор тем самым заставляет читателя

самостоятельно строить нарративную субстанцию в нарративе. С точки зрения философской логики построение нарративной субстанции и ее индивидуализация суть один и тот же процесс; индивидуализация же понимается как однозначное указание вещи посредством полного перечисления всех ее свойств (или атрибутов). Фактически У. Фолкнер, «заставляя» читателя создавать нарративистский мир, обращает его внимание на языковые средства, необходимые для введения в речь содержащихся в этом мире объектов, т.е. высказываний о нарративистских субстанциях. Нарративистские субстанции относятся к той категории вещей, которые, как «вещи», тождественны своим языковым проявлениям: по терминологии Лейбница, процесс их построения в качестве отдельной вещи тождествен индивидуализации их полного понятия [8]. Нарративистские субстанции, существующие в нарративистском мире, тождественны логически и онтологически нарративным субстанциям, вводимым в нарративах. Пропозициями, помогающими в созидательной деятельности читателю, предстают ансамбли лингвистических знаков, маркируемые повторами и создающие, по У. Куайну, некое множество конвергирующих повторений, фундирующих идею философского холизма и когерентности дискурса исторического бытия (бытия и истории), означиваемого через поведенческие позиции, или смыслы: *birthright farther and son and farther and son of never forgiving; forevermore as long as your childrens' children produce children you wont be anything.*

Создавая нарративную субстанцию, читатель осваивает особый тип «масштабирования» физической реальности с использованием в качестве художественного образца Библии. На каждой стадии нарратив, по заключению Ф. Анкерсмита, содержит ссылку, чаще неявную, на «охватывающие законы»: $a \rightarrow b, b \rightarrow c, c \rightarrow d$ и т.д., где «a», «b», «c», «d» и т.д. обозначают классы явлений, к которым принадлежат A, B, C, D и т.д. соответственно [8]. А. Данто считает, что нарративные предложения сообщают о начале и конце процесса изменения отдельного объекта, который за период изменения в большей или меньшей степени остается самим собой [9].

Используя Библию в качестве художественного образца, У. Фолкнер, как утверждает Н. Анастасов, искал в ней вселенскую меру изображения событий и лиц. Название романа восходит к старозаветному мифу о царе Давиде, на которого пошел войной его сын Авессалом (результат преступления закона Божьего и проявление действия «охватывающего закона»). Однако «умервляющая рука» Авессалома была отведена от Давида: Авессалом запутался волосами в ветвях дуба, что дало возможность рабам Давида убить его (рука сына отца отведена от отца, поскольку дети отца своего свершали насилие над детьми отца своего, тем самым нанесли урон отцу за соблазнение

Вирсавии, жены Урии-хаттеянина). «И смутился царь, и пошел в горницу над воротами, и плакал, и когда шел, говорил так: сын мой Авессалом! Сын мой, сын мой Авессалом! О, кто бы мне дал умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой» (Вторая Книга Царств, 18:33). У. Фолкнера привлекала поэтика Библии, отличительная черта которой – существование Времени в его нерасчленимой цельности: «Все происходит одновременно, а любая частная судьба, сохраняя свою резкую неповторимость, обретает подлинный смысл лишь применительно к завершенному плану человеческого бытия» [2, с. 18]. Поэтика Библии позволяет «укрупнить» масштаб личности, принимающей участие в построении нарративного, ирреального, мира XX в., через созидание речевой реальности, создание языка идентификации меры истинности (соответствия закону Божьему) поведенческих позиций, тождественных смыслам, которые означиваются языковыми словоформами. Фолкнеровское понимание роли языка в процессе означивания текущей действительности совпадает с семиологической концепцией Э. Бенвениста.

Язык рассматривается Э. Бенвенистом как универсальная семиотическая матрица, моделирующая структура, у которой другие структуры заимствуют основные свойства устройства и функционирования. Возможность семиотического моделирования, свойственная языку, обусловлена тем, что язык обладает свойством двойного означивания, присущим только ему и не повторяющимся в других системах: язык осуществляет одновременно и означивание знаков, и означивание высказывания [10]. Отсюда главная способность языка – метаязыковая, обуславливающая интерпретативные характеристики языка, благодаря которым он может включать в себя другие системы. В языке сочетаются два способа означивания: семиотический (знак должен быть узан) и семантический (речь должна быть понята). Семантическое означивание, основанное на всех референтных связях, в романе У. Фолкнера открывает особенности формирования ментальных образов, существа новой логики, которая будет востребована Временем позже (не в 30-е гг. XX столетия), в соответствии с охватывающим законом:

It was still not dark enough for Quentin to start, not yet dark enough to suit Miss Coldfield at least, even discounting the twelve miles out there and the twelve miles back. Quentin knew that. He could almost see her, waiting in one of the dark airless rooms in the little grim house's impregnable solitude. She would have no light burning because she would be out of the house soon, and probably some mental descendant or kinsman of him or her who had told her once that light and moving air carried heat had also told her that the cost of electricity was not in the actual time the light burned but in the retroactive overcoming of primary inertia when the switch was snapped: that that was what showed on the meter.

Как считает У. Куайн, высказывания о физических объектах нельзя подтвердить или опровергнуть путем прямого сравнения с опытом. У. Фолкнер предлагает особую языковую меру фактической очевидности – соответствия охватывающему закону – *still not dark enough for... to start, not yet dark enough to [do smth]* (еще недостаточно темно, чтобы начать; но уже достаточно темно, чтобы предпринять какое-то действие, асимметричное первоначально означенному). Подобная мера тавтологична схеме концептуализации эмпирических данных в формат высказывания, которому можно приписать истинность/ложность для того, чтобы в дальнейшем осуществить семиотическое означивание. Эта схема имеет следующий вид: *still* + ментальный образ + *enough to start, not yet* + конфигурация смыслов (поведенческих позиций), асимметричная ментальному образу, + *not yet enough* + стимул/периферия силового поля эпистемологической ситуации.

Высказывание *that that was what showed on the meter*, которому непосредственно приписывается истинность/ложность, завершает вычлененный сегмент и представляет собой эксплицитную конвенцию, «чистую» дефиницию, продуцирующую новые символы в целях оптимизации мыслительных процедур: «*: that that was what*», «*out there and... back*»; «*out of the... soon*», «*of him or her*», «*once that light*», «*was not in the actual time the light burned but in the*»: «*not in the... but in the*».

Выделенные символы маркирует речевое намерение, (смысл) реализуемое, согласно семиологической конвенции Э. Бенвениста, как целое и разделяющееся на отдельные «знаки», коими являются слова. Семантический аспект, как считает Э. Бенвенист, принадлежит миру речи и сфере высказывания; способ означивания, мотивированный этим аспектом, порождается речью, язык же при этом рассматривается как производитель сообщений, представляющих собой наборы символов, обретающих определенный смысл только в случае их использования для означивания исторично, «видение как...», оформляемое посредством его, возникает только в завершении всех мыслительных процедур приписыванием «гештальту» значения, построением модели переформулирования проблемы – прагматической проблемы индукции для XX в.: на какую теорию следует полагаться в своих практических действиях и какую теорию следует предпочесть для практических действий, исходя из рациональных соображений.

Семиотическое означивание свободно и независимо от референции:

«*I ought to bathe*», he *thought: then* he was lying on the bed, naked, swabbing his body steadily with the discarded shirt, sweating still, panting: *so that when*, his eyemuscles aching and straining into the darkness and the almost dried shirt still clutched in his hand, he said: «*I have been asleep*» *it was all the same*, there was no

difference: waking or sleeping he walked down that upper hall between the scaling walls and beneath the cracked ceiling, toward the faint light which fell from the last door and paused there, saying «No. No» and then «Only I must, I have to» and went in, entered the bare, stale room whose shutters were closed too, where a second lamp burned on a crude table; *waking or sleeping it was the same: the bed, the yellow sheets and pillow, the wasted yellow face with closed, almost transparent eyelids on the pillow, the wasted hands crossed on the bust as if he were already a corpse; waking or sleeping it was the same and would be the same forever as long as he lived*:

And you are – ?

Henry Sutpen.

And you have been here – ?

Four years.

And you came home – ?

To die. Yes.

To die – ?

Yes. To die.

And you have been here – ?

Four years

And you are – ?

Henry Sutpen.

Библия представляет собой семиологическую систему, знаками которой являются нарративные субстанции, из которых возможно на основе имеющихся у них сходств и в соответствии с тем, как распределены «единицы» и «нули» (чет/нечет) или осуществлен процесс симметризации физической реальности, сформировать классы. Как замечает Ф. Анкерсмит, нарративные субстанции создаются таким образом, что автоматически возникают определенные классификационные схемы [8]. Классификационные схемы, как считает К. Леви-Стросс, располагаются на уровне языка: это коды, более или менее хорошо сделанные, но всегда для того, чтобы выразить значение [11, с. 306]. У. Фолкнер разрабатывает свою классификационную схему взаимодействия резонансного типа с нарративными субстанциями Библии: «*thought: then*»; «*: so that when*»; «*been asleep*», «*was all the same*»; «*no difference: waking or sleeping*»; «*down that upper... between ...and beneath ..., toward the faint light which ... from the ...*»; «*and then ... and went in*»; «*waking or sleeping it was the same: the ..., the ... and ..., the ..., the ... on the ... as if ... already a ...*».

Модус бытия и соответственно режим взаимодействия сознания с физической реальностью: необходимое (=неизбежное). Основной способ создания речевой реальности, мотивируемый поведенческой позицией, – трансформация словоформы через пропозицию в концептуальную схему, тождественную «чистой» дефиниции: «*waking or sleeping it was the same and would be the same forever as long as he lived*».

Языковая практика приобретает масштаб дискурса, экстраполирующего сигнификат за пределы предложения. Ветви дискурса намечаются «конфигурантами» [12] – «*: then*»; «*: so that when*»; «*been asleep*», «*and they*

... and went in»; «as long as he lived», которые идеально изображают структуру нарративной субстанции, проецируемой из Текста-источника. Конфигураторы объясняют и обосновывают существующие знания и их реализацию в поведенческих позициях: «I ought to...»; «no difference»; «paused there saing»; «No. No»; «Only I must, I have to»; «Henry Sutpen»; «Yes».

Работа с конфигуратором предполагает осуществление двух типов движения [12]: 1) определение структуры объекта задает направление движения от существующих знаний и схем к конфигуратору; 2) обоснование теоретических схем как проекций, полученных в определенном ракурсе рассмотрения объекта, требует движения от конфигуратора к синтезируемым знаниям и теоретическим схемам. Типы интеллектуального движения заявлены У. Фолкнером в диалоге Henry Sutpen с неперсонифицированным субъектом: движение от существующего знания к конфигуратору маркируется символом and you, движение от конфигуратора к синтезируемым знаниям – символом to die. Конфигуратор У. Фолкнера тождествен по своей сути интеллектуальному агенту – матрице формализации семантического универсума, обеспечивающей дрейф в потоках знания информационного

социума. Пределы варьирования семантическим универсумом слов заданы синтактикой семиологического объекта «Библия». Обнаружить периферию силового поля высказывания в информационном потоке, отождествляемом на стыке XIX–XX вв. с потоком бессознательного (Дж. Джеймисон), возможно с помощью определенных знаковых последовательностей, или «универсальной алгебры отношений», по утверждению Ч. Пирса, предтечи первой волны лингвистического поворота. По заключению Э. Бенвениста, Ч. Пирс ставил перед собой задачу распределить все сущее, мыслимое и переживаемое между различными категориями знаков [10]. У. Фолкнер соединяет все сущее, мыслимое и переживаемое в одном знаке – пропозиции, представляющей собой «связанные переменные», позволяющие, в соответствии с концепцией У. Куайна (вторая волна лингвистического поворота), признавать утверждения теории истинными. Причем теории, дифференцируемой в качестве производной функции от Книги Книг (Библии), соотносимой с виртуальным сигнификатом, который восстанавливается при осуществлении нормированного конфигурирования нарративных субстанций, служащих средствами его презентации в информационных потоках (потоках знания, или дискурсах) XX и последующих веков.

Литература

1. Новейшие течения и проблемы философии в ФРГ. – М., 1978.
2. Анастасьев Н. В поисках цельности // У. Фолкнер. Авессалом, Авессалом! – М., 1983.
3. Faulkner in the University. – N.Y., 1965.
4. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. – М., 2002.
5. Богомолов А.С. Буржуазная философия США XX в. – М., 1974.
6. Куайн У. ван О. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Т. XVIII.
7. Фолкнер У. Авессалом, Авессалом! – М., 1982.
8. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. – М., 2003.
9. Данто А. Аналитическая философия истории. – М., 2002.
10. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 2002.
11. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М., 1999.
12. Щедровицкий Г.П. Избранные работы. – М., 1995.